

ФИЛЬМЫ ДРУЗЕЙ

Нерушимая дружба объединяет народы в рядах могучего и крепкого лагеря мира, свободы и демократии. Силу ее, ее благотворное влияние мы ощущаем повсюду, во всем — и в большом и в малом. Одним из многочисленных свидетельств этой дружбы является и проводимый сейчас в СССР фестиваль кинофильмов Венгерской Народной Республики.

Подлинно народное, демократическое кинопроизводство Венгрии велось еще с начала 20-х годов, когда национализация кинопроизводства в 1948 году, после окончательной победы, которую одержал венгерский народ под руководством партии трудящихся.

Уверенно встав на путь социалистического реализма, обратившись к животворным истокам новой действительности, молодая венгерская кинематография обрела то идейно-творческое богатство, которое позволило ей занять почетное место в ряду кинематографических стран. Венгерское кино, преодолевая чуждые влияния буржуазной идеологии, буржуазного искусства с его формалистическими и эстетическими устремлениями, вышло на широкую дорогу народности и реализма. На этом единственно верном пути деятели венгерской кинематографии добились многих творческих успехов. Мы рады успехам наших друзей, рады приветствовать их посланцев, прибывших в Москву на фестиваль.

Мы помним и ценим такие картины, как «Грядущая земля», «Освобожденная земля», «Боевое крещение», правдиво рассказывающие о тяжелой доле венгерского крестьянства в прошлом, о его пробуждении, о первых шагах и первых успехах в преобразовании деревни на началах коллективного труда.

В этих произведениях определялся главный герой венгерских фильмов — борец за новую жизнь, строитель демократической республики. Образ современного героя — представителя народа — стал основным образом венгерского киноискусства.

Уже в последующих фильмах — таких, как «Женщина отправляется в путь», «Анна Сабо», «Счастье Катины Киш», «Честь и слава», показывающих строительство венгерского государства, трудовые достижения народа, мы близко познакомимся с героями молодой республики, увидели процесс рождения и роста нового человека, нового характера. Пафос становления новой жизни передан в этих фильмах с большой искренностью и теплотой прежде всего потому, что в них с любовью обрисованы люди, приближающиеся своим трудом к социализму.

С удовлетворением отмечают советские зрители тематическое и жанровое разнообразие венгерских кинопроизведений. Среди знакомых нам фильмов — хорошие, веселые комедии («Мишка-аристократ», «Яныка», «Новички на стадионе»); фильмы, разоблачающие проделки врагов, зовущие к бдительности («Колония под землей», «Западня врага»); картины, посвященные историческому прошлому народа («Странный брак», «Случай на ярмарке»), его выдающимся деятелям («Мечта актрисы», «Венгерские мелодии»).

Достоинство венгерских фильмов не только в их верной идейной направленности и политической целеустремленности, — мастера кино Венгрии умеют находить яркие художественные средства для выражения своих идей. Глубокому раскрытию характеров героев, стремлению убедительно обосновать их поведение, живо показать конфликты и противоречия, в которые вступают герои и преодолевают, которые они растут, подчиняются мастерство венгерских режиссеров и актеров, изобразительное решение фильмов. Правдивый перелач характеров всегда сопутствует благородная художественная простота и в актерском исполнении и в работе режиссуры. И еще одним важным качеством обладают венгерские кинематографы: умением в малых деталях показывать большие и значительные явления жизни.

Идейно-художественные достоинства венгерских кинопроизведений растут от фильма к фильму. Вот почему советских людей порадует и знакомо с фильмами «Буря» и «Случай на ярмарке», которые впервые демонстрируются у нас в дни фестиваля. В этих фильмах зрители увидят, как великие творческие силы венгерского народа в тяжелые времена прошлого и настоящего боролись со своими угнетателями, а в последние годы сумели дать простор своей энергии и инициативе, осуществить мечты о справедливости и счастье.

На острым жизненным конфликте построен фильм «Буря», рассказывающий о борьбе крестьян за новую деревню, за высокие урожаи. В нем сданы глубокие, правдивые образы людей и передовых крестьян и их классовых врагов. Важная тема нашла в картине интересное и верное творческое решение. Так могут рассказывать о жизни не сторонние наблюдатели, а художники, ставшие активными борцами за дело народа.

Таковы художники венгерского кино. Назовем имена некоторых из них. Это режиссеры: Фриш Бая, Феликс Маршани, активно работающий в кино режиссер Будапештского оперного театра Калман Надашди, Золтан Фабри; артисты: Имре Шош, Адам Сиртеш, Янош Гербе, Ференц Ладани, Аги Месарош, Клария Толнаи, Корнелия Шаллаи, Жозеф Бишари и другие. В создании сценариев участвуют многие венгерские писатели: Пал Сабо, Дьёла Ивеш, Дьёла Хай, Иштван Эркен, Эрне Урбан. На фестивале в СССР покажут выдающиеся деятели венгерского кино, его ведущие мастера режиссуры Мартон Келети, поставивший фильмы «Мишка-аристократ» и «Яныка», «Странный брак», «Новички на стадионе», «Венгерские мелодии», «С юным сердцем»; оператор Иштван Эйбен, артисты Ава Серени, Терс Хорват, Калман Латабар, Шандор Печи, Ференц Бешенен, чье искусство видели мы во многих фильмах, шедших на советском экране. Возглавляет делегацию начальник отдела кинематографии Министерства культуры Венгерской Народной Республики Миклош Санто.

Киноискусство новой Венгрии растет и развивается. И нет никаких сомнений в том, что оно порадует свой народ, народы СССР и стран народной демократии новыми произведениями, достойными великих дел, которые творят люди в осуществление идей мира, дружбы, свободы и счастья.

Встреча советских зрителей и работников кино с венгерскими кинематографистами послужит дальнейшему развитию мирового прогрессивного киноискусства, она взаимно обогатит нас, поможет укреплению культурных связей и дружбы между народами на вечные времена.

Михаил ЧИУРЕЛИ,

народный артист СССР

Гости из Кореи

Корейский юноша Ким Вон Пир до войны был кочегаром на паровозе, его друг Сен Ен Пак — бедным корейским крестьянским мальчиком. Оба они впервые познакомились к искусству, будучи бойцами корейской Народной армии. Чистый, задушевный голос Ким Вон Пира любил слушать бойцы подразделения, в котором он служил. Руководители армейской художественной самодеятельности пригласили его в ансамбль песни и пляски корейской Народной армии. Вместе с другими 160 участниками ансамбля Ким Вон Пир и Сен Ен Пак приехали в дачи в Москву. В ансамбле, кроме солистов, — хор, симфонический оркестр, оркестр корейских национальных инструментов, танцевальная группа.

В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» руководитель ансамбля Ли Чун Хен рассказал: — Ансамбль недавно отменил свой гастрольный тур: наш первый концерт состоялся 1 мая 1948 года в Пхеньяном народном театре. С тех пор мы дали 1700 концертов. Мы постоянно пополняем свой коллектив новыми силами. Почти во всех подразделениях армии имеются кружки художественной самодеятельности. Каждый год среди них проводится конкурс, на котором мы отбираем в состав ансамбля наиболее талантливого молодого.

С первых дней войны мы обслуживаем фронтовиков и население прифронтовой полосы. Правительство наградило многих участников ансамбля орденами и медалями.

В нашем репертуаре много классических, народных и современных песен и танцев, в том числе произведений советских композиторов. Участники ансамбля создали 120 песен — хороших, дуэтов и сольных номеров.

— Мы счастливы, что можем выступать в столице Советской страны, перед нашими друзьями — советскими людьми, активно борющимися за коммунизм, за мир во всем мире, — заявил в заключение Ли Чун Хен.

Сегодня в парке Центрального Дома Советской Армии состоится первый концерт ансамбля. За время пребывания в Москве гости выступят в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха имени А. М. Горького, в Концертном зале имени П. И. Чайковского и в Доме культуры имени Горького; затем участники ансамбля совершат поездку по стране.

СИЛЬНЕЙШИЕ БАСКЕТБОЛИСТЫ ЕВРОПЫ СЪЕЗЖАЮТСЯ В МОСКВУ

Завтра, в 12 часов дня, на московском стадионе «Динамо» торжественным парадом участников открывается VIII чемпионат Европы по баскетболу для мужских команд. Как ранее сообщалось, согласно на участие в чемпионате дали 17 стран.

Вчера была проведена жеребьевка; команды, занявшие первые четыре места в предыдущем розыгрыше первенства Европы, — СССР, Чехословакия, Франция и Болгария, — были распределены по подгруппам. В результате жеребьевки были образованы следующие подгруппы: первая — Чехословакия, Италия, Румыния, Швейцария; вторая — Франция, Германия, Египет, Швеция; третья — СССР, Бельгия, Венгрия, Дания; четвертая — Болгария, Финляндия, Югославия, Израиль, Ливан. Команды, занявшие в подгруппах первые два места, разыграют между собой 1-8 места.

В первых играх встречаются команды Болгарии и Финляндии, Югославии и Ливана, Чехословакии и Швейцарии, Италии и Румынии, СССР и Бельгии, Франции и Египта, Германии и Швеции, Венгрии и Дании.

Большинство команд — участников европейского чемпионата — уже прибыло в Москву.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 61 (3090)

Суббота, 23 мая 1953 г.

Цена 40 коп.

Снова на озере Неро

Ефим Дорощ

Всю ночь лил дождь — теплый, шумный, а утром в низком сером небе все еще дымилась тучи и воздух был насыщен мелкой водяной пылью. Блестели мокрые железные крыши. На потемневших от дождя заборах отчетливо рисовались выкрашенные масляной краской резные наличники окон.

Мы шагали по черной вязкой дороге, обходя глубокие колеи, налитые водой. Когда вышли из села, глазами нашим открылась обширная, несколько приподнятая к горизонту равнина. Слева, там, где текла неширокая летом речка Которосль, сейчас разлившаяся и затопившая прибрежные болота и поемные дуги, сколько видел глаза, поблескивала вода, морщинистая от набежавшего ветра; кое-где из воды торчали, покачиваясь, ковышестый тростник. Далеко вперед, за рыхлым валом вынутой из канала гряды куржились пока что голый кустарник, с тоснящими друг к другу молодыми кривоватыми березками.

А вокруг нас и насколько можно было увидеть широко тянулись поля: опьяневшая от дождей зябь, бледная зелень еще не успевших войти в силу озимей, серая стерня, в щетине которой ярко зеленея посеянный под покров клевер.

Мы свернули на полевую дорогу, затравленную, с едва приметными следами колес, отсиженными на ржавчине прошлогодних трав и на свежих, омытых дождем весенних побегах. Дорога пружинила под ногами, при каждом шаге из-под дернины выдвигалась вода, оползавшая сапоги. Вода выступала из полей, казалась бы, збег, когда мы шли по вспаханному полю. Вода, стоило нам войти в стерню, хлюпала, как в болоте.

— На плаву, можно сказать, живем, — по-ярославски отчетливо выговаривая «о», сказал Иван Александрович. — Ничего не поделаешь. Где-нибудь под Угличем бабенька в печи горшок опрокинет, вода к нам придет.

Высокий, обветренный, с крепкой, вилат, костью, в наивысшей на лоб черной кепке и распахнутом сером плаще, помы которого то и дело хлюпали по голенищам сапог, он помахивал в такт своим крупным шагам клеветчатой сумкой с застежкой «молния», служившей ему портфелем.

Вот уже двадцать лет, как Иван Александрович Федосеев председательствует в этом колхозе. Когда колхоз этот организовался, в него входила только лишь жатка села Стрелы, откуда мы шли теперь с Иваном Александровичем, а пахотной земли в ту пору было в колхозе всего несколько десятков гектаров. Нашла же тогда неширокой полосой вокруг села, начинался прямо от озера, а здесь, где сейчас, куда ни помотришь, тянутся клеверники, зябь, и озимь, и оживающие пуга ошвные плантации, — здесь были болота и топи, поросшие хаткой березкой, вереском, ивой или же покрытые осыновыми коками, которых насчитывалось до десяти тысяч штук на каждом гектаре. Мы шагаем с Иваном Александровичем по земле, созданной человеком, то и дело пересекая каналы, в которых медленно, почти неразличимо для глаза, течет вода — молочная белая от залежных близости известняков или же красная от глины.

Склоны этих каналов заросли нынче, прутья которого унылыми серыми бархатистыми шариками или же успешными распустились пушистыми желтоватыми сережками. Каналы эти — старые, из тех, что в течение многих лет вручную копали колхозники. Но есть и другие, с чисто осыновыми склонами, относящиеся к недавнему времени. Они продолжены машинами луго-мелиоративной станции, работающей в Ростовском районе вот уже скоро четыре года.

Мы останавливаемся возле одного из таких каналов.

— Длинны в нем — тысяча двести метров, — говорит Иван Александрович. — А копали минут тридцать, от силы — сорок... Как вылезла вода «с-80» с канавкопателя...

Человек он далеко не восторженный, и все же в голосе его звучит восхищение, настолько хороша осушительная наша техника: дисковые бороны, верхний ряд которых — чуть ли не по груду, исполняясь паути, те же канавкопатели...

Все это может опенить лишь тот, кто двадцать лет тому назад впервые вошел в болотные дебри с лопатой в руках и топором за поясом.

В ту пору в колхозе было меньше двухсот гектаров пашни, а сейчас — тысяча с лишним. Правда, в 1950 году колхоз объединился с несколькими соседними колхозами, благодаря чему, разумеется, увеличилась площадь пахотной земли, но все же значительная ее часть была создана людьми на месте зыбучей трясины, котарника, заболоченных пустошей.

И если бы не эти освоенные земли, колхоз имени Кирова не имел бы сейчас ни тех вот кирпичных ферм, которые красуются у горизонта, в серой дымке пасмурного весеннего утра; ни вон того новенького телатника с желтыми, как воск, тесовыми стенами, будто освещенными солнцем. Без этой земли колхоз не построил бы мясозавода, вокруг которого, среди мокрых полей, все еще так хорошо пахнет смолкой и известкой; не собрался бы строить двухэтажное здание акушерско-мелиоративного пункта, с детской палаткой и яслями, для чего уже завезены все материалы.

Почти пятьсот голов крупного рогатого скота, около трехсот свиней, двести с небольшим овец, сто семьдесят три лошади и около девяти сот кур и гусей кормит земля, которая еще недавно была болотом. Это болото дает ежегодно зерно и картофеля, овощи и лук, зеленый горошек и цикорий.

А за последним осушительным каналом, возле которого мы остановились с Иваном Александровичем, простерлась земля, где солнечное тепло, вода и питательные вещества, находящиеся в почве, пока что производят лишь вялые и вереск, из которых, как известно, хороши бывают корзинки и метлы, да жесткую траву. И такой земли в колхозе имени Кирова полторы тысячи гектаров.

Нечто в этом роде и я сказал Ивану Александровичу.

— Полноте! — проговорил он. — Не надо про это писать. Разве мы берем от земли столько, сколько можно? Половина не берем. Вы лучше вот про что напишите. — И он повел меня на одно из полей, где на запущенной земле рыхлывались кучами лежали какие-то спящие коренья. — Цикорий! — объяснил он, выбрав из кучи еще сохранившийся корень.

На другом поле, которое было желтым от спугнутой мокрой соломой и поэтому странно выглядело весной, лежала впопалку скошенная, но необмолоченная пшеница.

— Я же вам говорил давеча — низменность у нас места, — сказал Федосеев. — Весной это не страшно, испарение сильное. Не успеешь оглянуться, просохнет... А вот осенью, когда пойдет дождь...

И он рассказал следующее.

Земли колхоза имени Кирова входят в так называемый Васильковский массив, расположенный в котловине озера Неро. В этот массив с севера с пологой тысячей гектаров. Три с половиной тысячи из них — нетронутые болота. Но и те четыре тысячи гектаров, которые отделились грядками протнувшись среди болот или, как в колхозе имени Кирова, казалось бы, осушены, тоже страшно от избытка влаги. Дело в том, что Васильковский массив, с его тонкими, лежащими на глине песками, — самое низкое место в котловине.

— Видите вон там Филиппову гору, — показал Иван Александрович на возвышенность, уходящую в смутной, как бы размытой линии горизонта. — Осенью, когда зарядит дождь, вся вода оттуда сваливается к нам: уйдет она там в песок и бежит грунтом, по грядке, а у нас выжимается наружу. Это — первое. А второе — мы ведь находимся ниже озера. У него и так вода высокая, а в дождливую пору — еще выше. Выгляды ей некуда, кроме как через нашу Которосль. Но только Которосль — узкая речка, и течет она то вперед, то назад, петляет. Ей такую массу воды не перебросить, так она ее частично у нас оставляет. Из озера бежит в нам еще вода по древним протокам и рукавам. Теперь — третье. Над нами ведь тоже дождь летит, а эта вода, атмосферная, тоже наша. И случается это все в августе, в сентябре. По зеленым местам — многое еще в позе. Тут уж либо прямо в стогах унесет, либо картошку затопит, цикорий... Либо вот ишеницу. Мы бы ее успели убрать, если бы комбайном, но нам дали один на два колхоза.

Болно и горько было смотреть на погубленный, мертвый хлеб.

Конечно, не о достижении колхоза имени Кирова надо говорить, хотя они и велики, а о том, что мешает колхозу добиться большего. В колхозе прекрасные, выстроенные по типовому проекту кирпичные фермы, с силосными башнями, с подвесными дорогами, с автопалками. Но убой молока не превышает тысячи шестисот, тысячи семисот литров, потому что мало кормов, особенно сочных, и к весне нарушаются все районы. Колхоз построил осушительную сеть, освоил сотни гектаров болот и заболоченных пустошей, вводит правильные травопольные севообороты, ежегодно вывозит на поля тысячи тонн навоза, минеральные удобрения... Но урожай всех культур пока еще ниже тех, какие возможны при этом, отчасти из-за избыточной влажности, отчасти из-за того, что многое гибнет от осенних наводнений.

Всему виной, понятно, своеобразные местные условия.

Но еще в 1951 году был утвержден проект осушения Васильковского массива, были отпущены необходимые для этого деньги. Проект предусматривает строительство водопропускника и системы осушительных каналов, которые примут в себя воду из существующей уже в колхозе имени Кирова местной осушительной сети. Сейчас эта сеть — вот эти проложенные среди полей каналы с почти неподвижной водой, через которые мы шагаем с Иваном Александровичем, — не имеет сброса, вода здесь только испаряется, но ведь известно, что осенью, когда воды особенно много, испарение ничтожно.

В водопропускнике, с связанной с ним системой каналов будут подключены и те местные осушительные каналы, которые пройдут по всем остальным заболоченным участкам и болотам Васильковского массива. Их должна прорыть Ростовская луго-мелиоративная станция, и она готова сделать это хоть сегодня, но сперва надо построить названную выше осушительную систему, потому что вода должна же куда-нибудь течь. А вот этого станция сделать не может: у нее нет двух полукубовых экскаваторов, необходимых для такого рода работ.

Экскаваторы для Васильковского массива должны были получить в Москве, по договору с Центральной экскаваторной станцией, начальником Ярославского областного управления водного хозяйства тов. Салтыков. Он должен был получить их еще в 1951 году, но не получил и в 1952, не по-

лучил и сегодня, к исходу мая 1953 года. Не получил потому, что не проявил необходимой настойчивости и, я бы сказал, интереса.

И вот хочется спросить Ивана Федоровича Салтыкова, а заодно и заместителя начальника Ярославского областного управления сельского хозяйства и заготовок Порфирия Алексеевича Смирнова, которому подчинены луго-мелиоративные станции и водное хозяйство области, — хочется спросить их: неужели в нашей богатой всякого вида техникой стране, имея утвержденный проект и отпущенные для его осуществления деньги, так трудно достать два полукубовых экскаватора?

Хочется спросить двух ответственных областных работников: все ли они сделали, как советские служащие и коммунисты, чтобы преодолеть трудности, если таковые действительно были? Можете ли вы с чистой совестью сказать, уважаемые Иван Федорович и Порфирий Алексеевич, что если из-за двух полукубовых экскаваторов колхозы Васильковского массива не собрали много тонн зерна, картофеля, овощей, молока и мяса, то лично вы не несете за это никакой ответственности?

Именно в виду не ту ответственность, о которой помнит иной «предусмотрительный» начальник, запаса на всякий случай так называемые оправдательные документы — какое-нибудь отношение, чью-либо резолюцию. Нет, я подразумеваю здесь то чувство ответственности за общее наше дело, которое присуще советскому человеку.

Где-то неподалеку от нас неожиданно зашел заводок.

— Ну, теперь ветер будет! — с облегчением сказал Иван Александрович.

Мы приближались к деревне Нажеровке, где помещается правление колхоза. Вдалеке потрусила трактор, выходя ядовитую сляку, должно быть, на посевные уже поле.

Почти у самой деревни тянулись влево от дороги высокие и длинные гряды. Между грядками, в резных сапогах и подпоясанных белых перелинках, в которых лежали семена или саженцы лука, склянки, стояли колхозники. Они рассеяли важную, лопатились «чернушку» или же вытаскивали в землю маленькую луговую сеянца.

Все овощи, лук, цикорий, знаменитый ростовский зеленый горошек, в колхозе имени Кирова, как и в других колхозах котловин озера Неро, культивируются на грядках. И так как грядковая культура овощей до сих пор не механизирована, то посадка и посев, уход, уборка производятся вручную. Понятно, что это сказывается на себестоимости продукции, создает исключительное напряжение с рабочей силой в самые ответственные периоды — весной и во время уборки. Думается, что и с этим обстоятельством связаны потери, которые несут зачастую колхозы в дождливую осеннюю пору.

Высокие грядки — дело вынужденное: это ведь способ предохранить растение от грунтовых вод.

Куда ни кинь, что ни возьми, все упирается здесь в осушение Васильковского массива, в осушение и преобразование всей котловины озера Неро, частью которой он является и с водным режимом которой связан теснейшим образом.

В августе минувшего года мне уже приходилось писать о проблеме озера Неро, о чудесном его озле — сапропеле, о том, как отозвучал на здешнем сельском хозяйстве, главным образом на животноводстве и овощеводстве, добыча этого ценного удобрения, осушение болот и заболоченных земель приозерной котловины.

Уже тогда были пропущены все сроки, установленные Советом Министров РСФСР для производства изысканий и составления проекта, в чем повинны были соответствующие областные учреждения Ярославля и тогдашний Главозхоз РСФСР.

Через несколько месяцев после выступления газеты Ярославского областного управления сельского хозяйства и заготовок, признав критику правильной, сообщено, что полевые изыскания, необходимые для проектирования, в основном закончены, что в производственный план Ростовской луго-мелиоративной станции на 1953 год включена добыча сапропеля.

И действительно, стоило мне, расставшись с Иваном Александровичем Федосеевым, пройти каких-нибудь три-четыре километра от Нажеровки, как я увидел неподалеку от берега на оловянной грядке озера черный корпус землессоса, гнавшего по трубам сапропель. К сожалению, добыча сапропеля чрезвычайно затруднена, так как Ярославские товарищи не позаботились найти тридцать метров резинового шланга, который необходим для свободного нагнетания землессоса на воде.

Что же до полевых изысканий, то в нынешней весне они были закончены всего лишь наполовину, и теперь эти изыскания, как и составление проекта, вала на себя одна из московских проектных организаций.

Надо думать, что судьба умирающего озера, наконец-то, будет решена.

И видится недалекое будущее: осушительные каналы с мостами и плотинами, превращающие просторные и ровные приозерные поля в дуги; плотины, запрещающие весеннюю воду в ложбинах и балках, откуда она посылается по трубам на животноводческие фермы; видятся молодые деревенские насаждения, вставшие на склонах оврагов, чтобы защитить их от разрушительной эрозии; видятся сосновый бор, подвигавшийся на осушенных Савинских песках, где теперь только чахлае бусты; видится преобразованный уголок средне-русской земли.

РОСТОВ-ЯРОСЛАВСКИЙ

Международные отклики

В БОРЬБЕ ЗА РЫНКИ

Корреспондент английской газеты «Дейли мейл» как-то с тревогой сообщил из Токио: «На Гиндзе (главная торговая улица Токио. — Лит.) вы можете купить имитацию лучшей в мире зажигалки. Она обходится вам в 4 шиллинга 3 пенса. В Лондоне оригинал продается примерно за 2 гинеи... Пройдите еще несколько шагов, и вы увидите перочинные ножи. На каждом указана цена, которая приведет Шеффилд в содрогание. Подобное сообщение не вызвало бы особого удивления со стороны английских бизнесменов, если бы перечисленные в нем, а также многие другие изделия, созданные дешевым трудом японского рабочего, мирно покоились на полках японских магазинов. Но в то-то и дело, что клямо «Сделано в Японии» все настойчивее проступает на рынках, которые английские экспортеры искони считали своими.

Последнее время английская буржуазия пестит полна тревожных сообщений об англо-японской конкуренции в области торговли. Так, недавно газета «Манчестер гардиан», отмечая усилившуюся конкуренцию со стороны Японии, мрачно предсказывала: «Ожидать обесценивания в этой области — значит самообольщаться в настоящий момент». В первых числах июня в Лондоне состоялось совещание премьер-министров стран, входящих в Британское сообщество наций. Одним из важнейших вопросов, которые будут обсуждаться на этом совещании, является экономическое положение стертированной зоны.

Факты показывают, что внешнеторговая экспансия Японии внушает магам Сити серьезное беспокойство. Оснований для подобной тревоги у них более чем достаточно. Вот некоторые убедительные цифры. В 1950 г. японские фирмы сбыли в странах стертированной зоны товаров на 244 миллиона долларов, а в 1951 г. — на два раза больше.

Первым пришлось «содрогнуться» фабрикантам Ланкашира, ибо главный исток японских монополий сосредоточился против английского текстиля. Уже в 1952 г. Япония обогнала Англию, экспортировав более 1 миллиарда квадратных ярдов хлопчатобумажных тканей, причем 1/3 этого количества — в стертированную зону. След за Ланкаширом пришел черед «содрогнуться» и Шеффилду — центру металлообрабатывающей промышленности Англии. Японские экспортеры по «сходной» цене продают на британских рынках машины и электрооборудование, суда и велосипеды.

«Япония и Англия», — констатирует журнал американских монополий, журнал «Юнайтед Стэйтс ньюс энд Уорлд рипорт», — наступают друг друга на горло в ожесточенной борьбе за мировые рынки. Американские монополии отнюдь не являются в этой борьбе «бодельщиками», а принимают в ней самое активное участие: ведь именно они контролируют японскую экономику. Они, выражая американской печати, попросту «выбрали для себя более заметную роль», директива наступательных действий своих младших японских партнеров и финансиров их. Недаром прославилась программа создания «Восточно-азиатской сферы совместного процветания», возрождаемая ныне японскими властями, ищетечет «донжана» и поджигает на Уолл-стрит. Суть общепланового американско-японского монополизма заключается не только в усилении английских интересов, но и в задержке индустриального развития стран Азии, в превращении их в сырьевые придатки Японии и США и рынки сбыта для американско-японского демпинга.

«Вперед мы намерены...» — возводит железную руку из Юго-Восточной Азии», — провозгласил в январе министр внешней торговли и промышленности Огасавара. С достаточной полнотой эти замыслы японских монополий раскрываются в разработанном ими плане «развития» Юго-Восточной Азии, предусматривающем усиленный вывоз железной руды из Индии и Филиппин, бокситов и олова из Малайи, меди, магния, вольфрама и нефти из Бирмы, никеля, угля и каучука из Индонезии.

В ходе экономических переговоров с Англией Япония предложила англичанам расплатиться с японскими предпринимателями предоставлением им доступа к железорудным месторождениям, «находящимся под британским контролем в Азии». Орган Сити журнал «Экономист» назвал это предложение «неприемлимым». Однако смысл этих домогательств вполне очевиден. Насильственный изгон японцев из Японии — это не только для нее источник сырья и рынка сбыта. Китай, США ныне настойчиво толкают ее в сторону Юго-Восточной Азии, чтобы вытеснить оттуда Англию. Но японская экспансия в Юго-Восточной Азии приобрела ныне такой размах, что тревогу почувствовали не только британские монополии, против которых она непосредственно направлена, но и вдохновители этой экспансии — монополии США. Все чаще за океаном раздаются предостережения о том, что экономический «союз» Японии с США, как писала «Нью-Йорк пост», «не означает, что она будет действовать в качестве нашего младшего восточного брата». Действительность показывает, что интересы «братьев» сталкиваются уже в ряде районов.

Политика использования Японии в качестве тарана в конкурентной борьбе ведет к обострению англо-американско-японских противоречий.

КРАСНОРЕЧИВЫЕ ПРИЗНАНИЯ

На днях в Лондоне закончилась сессия так называемого Международного института печати, в который входят представители крупнейших буржуазных газет капиталистического мира. О характере этой организации нетрудно судить по ее руководящему составу: директор института Э. Роз является членом редакционной коллегии английской консервативной газеты «Обсервер»; председатель исполнительного комитета Л. Маркел редактирует воскресный номер газеты «Нью-Йорк таймс», тесно связанной с ведущими американскими монополиями и банками. Дейтельность института шире финансируется фондами Рокфеллера и Форда, как известно, охотно снабжающих средствами любые реакционные начинания.

Этот институт по себе определяет злочином Международного института печати. Вряд ли кого-либо смогли обмануть демagogические призывы журналистов, выступавших на сессии в Лондоне за «сохранение свободы печати»: достаточно хорошо известно, что такое прословутая «свобода буржуазной печати». Газеты уже давно превратились в коммерческие органы деловых кругов, которые делают их прибыльными с помощью прямого подкупа в виде платы за рекламу, — писал о реакционной американской прессе журналист Антус Камерон, изгнанный из издательства «Литтл Браун энд компани» только за то, что предложил издать новый роман Говарда Фаста.

Интерес представляет другое: в выступлениях большинства ораторов прозвучали тревога и растерянность.

Э. Роз упрямился своим срабатыванием по перу, что они склонны слушать краски и «изображать слишком отрицательную картину». Бертрам де Жуверель, один из реакционных французских журналистов, известный своими антисоветскими настроениями, осудил газеты, «печатанные сенсацией», и призвал воспылать читателям при помощи «умных комментариев». Профессор Колумбийского университета Коммалджер требовал от журналистов «высказывать свою точку зрения в формировании современного мышления».

Было бы наивно думать, что Э. Роз, Бертрам де Жуверель и их коллеги намерены отныне вконец прекратить своим читателям право о происходящем в мире. Они так же далеки от этого, как и прежде. Но даже им ясно, что пропаганда, велущаяся на страницах буржуазных газет, не имеет успеха у читателей, что «современное мышление» развивается не так, как бы того хотелось Рокфеллеру и Форду. Военная истерия, клевета и ложь по адресу стран демократического лагеря внушают отвращение миллионам простых людей, жаждущих мира.

Вот что пишет один из американских читателей в редакцию прогрессивной газеты «Гиллис уорлд» о буржуазной печати. Он говорит о «железном занавесе», который создается реакционными газетами. «Этот занавес исключает всякие знания, всякую терпимость, всякую добрую волю и всякие признаки братства между людьми. Он основан на эгоистических интересах, на позорности, ненависти, полуправде, дурных предположениях и сознательной лжи».

Итак, господа пропагандисты признают провал своих усилий. Какие же рецепты предлагают они? Менее откровенную ложь, более «тонкую» пропаганду, более «умные комментарии» в надежде таким образом удержать читателя. Но простые люди во всем мире начинают отличать правду от лжи. И никакие хитроисплетенные реакционной пропаганды не в силах изменить этого.

О ВОПЛОЩЕНИИ ХАРАКТЕРОВ

Н. ТОЛЧЕНОВА

1. Созданию характеров — вот основная творческая задача писателя, которая и определяет в конечном счете удачу или неудачу любой книги, является ли она произведением историческим, воссоздающим страницы минувшего, или посвящена событиям современности.

Эта задача многократно усложняется в тех случаях, когда повествование, начатое показом далекого прошлого, писатель решает довести до наших дней.

Автору такой книги уже недостаточно изобразить живой процесс развития и становления характеров героев, взятых в той или иной определенной обстановке места или времени. Самый замысел истинно требует от автора большего: соответствия глубоким переживаниям, переживаниям во внутреннем мире героев, коренным изменениям или даже революционной ломке окружающей их среды. Если же в книге речь пойдет о характерах отрицательных, о людях закостеневших, не способных расти и воспринимать новое, то ведь и в подобных образах писателю предстоит раскрыть те решающие черты, которые присущи в закономерном, жизненном конфликте, а значит, все равно позволят отразить в характере борьбу нового со старым.

Проблема художественного изображения величайших исторических процессов, происходящих в нашей стране, заслуживает серьезного обсуждения именно с точки зрения создания писателем разнообразных, живых и ярких человеческих характеров, раскрывающих наиболее важные стороны жизни народа на протяжении десятилетий.

Обо всем этом думаешь, читая роман Д. М. Петрова (Вирюк) «Сказание о казаках», действие которого, начавшись еще до русско-японской войны, заканчивается в 1948 году.

Д. М. Петров (Вирюк) задумал показать в образах героев своего объемного романа-трилогии исторический путь донского казачества в социализм. Эту задачу автор решает, изображая судьбы трех поколений донских казаков.

Понятно, что столь обширный замысел мог быть художественно воплощен лишь при условии самых широких обобщений, основанных на строгом отборе главного, типического в судьбах и характерах героев — участников трех революций и четырех войн, таких разных по своему общественному содержанию и по своему значению в жизни народа.

2. «Сказание о казаках» — результат большой, пятнадцатилетней творческой работы Д. М. Петрова (Вирюк). В центре повествования автор ставит несколько главных образов, интересно задуманных в плане решения основной творческой задачи, — показав жизнь старого Дона, классовую борьбу в среде казачества и коренных преобразований жизни людей в советское время. Великие персонажи романа: зять статичного атамана Петр Александрович Ильин — «иногородний», принятый в казаки, его дети и внуки, а также многочисленные казацкая семья Горшковых, в последней части вступающая в родство с семьей Ильиных.

Ставкина и переселяясь, прохитит перед нами во всем своем разнообразии судьбы этих людей, а также их многочисленные друзья и знакомые.

Индивидуальные особенности героев автор стремится органически связать с крупнейшими историческими событиями: в первой книге («Казаки») — это русско-японская война и революция 1905 года, во второй («Детский поход») — первая мировая война, Великая Октябрьская социалистическая революция, война гражданская; третья книга («Испытание») посвящена событиям Великой Отечественной войны.

Все три книги связывает единая мысль о том, что революционным воспитанием казачества на протяжении десятилетий занималась Коммунистическая партия. Автор стремится показать, что в течение долгого времени этот процесс воспитания шел, преодолевая многочисленные преграды контрреволюционных сил. В заключительной же части трилогии казачество выступает, как единая семья советских патриотов.

Раскрыв в общем правильно эту основную творческую задачу, автор иногда слишком бегом и поверхностно изображает отдельные исторические моменты. Большой и важный авторский замысел наиболее полно осуществлен в первой и второй книгах трилогии, где линия развития отдельных характеров определяется ходом самой жизни. «Разделилась наша станица на две половины», — говорит казак. — И одна половина будто за правду стоит, а другая тоже за правду... Когда атаманы станицы говорят, слушаешь его и думаешь, что по-настоящему человек говорит, потому немалое дело нам с вами паре идти... А когда Герасим Лункин заговорит, то тоже справедливо говорит. Вроде в обиде даже паре живет...»

Процесс расхождения казачества в станице Салковской накануне первой русской революции Д. М. Петров (Вирюк) раскрывает в образах основных персонажей.

Несомненной и серьезной задачей автора являются образы многих старых казаков, в том числе статичного атамана Ильи Павловича Белкина и, особенно, кулака-мирошата Афанасия Федоровича Горшковца. Старый Горшков — это яркая, колоритная фигура, живое воплощение реакционных сил Дона, вековой темноты и мракобесия, старательно поддерживаемых парским правительством среди казачества. В большинстве своем роман, где на первый план выступают негодяи, негодимая старость Афанасия Федоровича и стяжательство зверящая немощь в бедняках и «иногородних», бесстыдное надругательство над голытьбой, не только скандально хорошеет писательское знание старого казачьего быта, но и видна подлинно художественная достоверность деталей. Видим мы Афанасия Федоровича в семье, где и близко боялся взорного и тупого самодура, творит ли он гнусную расправу над им же ограбленными, обездоленными людьми, чванится ли в богатом доме Войсковому кругу, помогает пролезать родину иностранным интервентам, — везде характер очерчен сильно, выпукло, ясно.

Действия и поступки Афанасия Горшковца, в которых проявляется характер, почти никогда не оставляют читателя равнодушным. Они побуждают живое чувство протеста, негодования и у героев романа. Репликой возмущает против позлого кулацкого самоуправства беляк Тарас Меркешев.

Д. М. Петров (Вирюк). «Сказание о казаках». Трилогия. Издательство «Молодая гвардия». 1952. 677 стр.

В этих образах показаны пробуждение и рост классового самосознания трудового казачества. К сожалению, именно эти, совершенно ясные по замыслу и вместе с тем важнейшие по своему идейно-художественному значению в романе образы остались словно не до конца доработанными автором. Читая книгу, охотно веришь в существование этих хороших, духовно чистых, изумных наивнух революцию людей на Дону, и все же их образы, их характеры не доведены до той отчетливости, когда человек становится виден, «как живой». Эти образы словно расплываются перед нашим мысленным взором.

Дело в том, что автор, рисуя своих положительных героев, чаще прибегает к общим формулировкам, чем к живым характеристикам, которые вытекают бы из самих ситуаций и сюжетных положений романа, как это происходит, например, с образом старого Афанасия Горшковца.

Положительным героям Д. М. Петрова (Вирюк) свойственны правильные мысли, но они часто высказывают эти мысли разрозненно, книжным, однообразным языком. Вот учитель Михаил Андреевич Сухотин рассказывает Петру Ильину о своей поездке на учительский съезд: «Мы потребовали, чтобы школа была сама по себе демократична и доступна для всех: как для богатых и знатных, так и для бедных и батраков... Чтобы был установлен одинаковый тип общеобразовательной школы, как средней, так и низшей, и чтобы была непосредственная связь между низшей, средней и высшей школами с правом свободного перехода на одну школу в другую... Мы потребовали, чтобы в соответствии с этим было увеличено число средних и высших школ и осуществлено всеобщее обязательное бесплатное начальное образование и уравнивание полов в деле образования...» и т. д. За этими правильными, но очень общими словами не появляется, за я не могу представить живой образ школьного учителя. К сожалению, автор при этом не показал Михаила Андреевича среди казачьей истории, в школе. Его принципы и взгляды не получили поэтому конкретной, яркой убедительности, не воплотились в живой образ.

Столь же схематичен, неясен, а лишь абстрактно правдив в романе рабочий-революционер Орлов.

Писатель много раз приводит длинные выдержки из речей Орлова, охотнейше упоминает при этом, что его слова были «глазкие, округленные». Автор словно не замечает, как далека эта книжная, колодезная округленность от подлинно живой разговорной речи.

Правда, беседы Орлова с казаками наполнены верным, по существу, содержанием. Но они лишены чувства, не одухотворены внутренним настроением, не имеют живых примет личности, характера. Поэтому теряется выразительность и фигура Орлова, которую читатель, в том же, видит в повествовании лишь изредка, эпизодически.

А ведь образы Орлова и Сухотины важны в романе не сами по себе. С ними — по правилу замысла автора — неразрывно связано духовное формирование будущих революционеров: Крицкова, а главное — Ильина. Перед писателем стояла интереснейшая задача — показать, как новые, неведомые ранее революционные мысли казак за каздой проникают в сознание людей, пробуждают его, вызывают у казаков жажду новой, свободной жизни, ведут их на борьбу.

Д. М. Петров (Вирюк) говорит обо всем этом, но большей частью в декларативной форме, или же коротко и упрощенно сообщает о нарастающих революционных настроениях среди казачества, не проникая глубоко во внутренний мир героев, по-настоящему не проследившая становления их характеров.

3. Читатель «Сказания о казаках» охотно понимает, почему авторское внимание так часто бывает нацелено на образ Петра Ильина. Петр Ильин — фигура, подмеченная писателем в гуще казачьей жизни. Это человек, прошедший через множество сложных и бурных событий истории. Каждое из этих событий, естественно, должно было наложить свой отпечаток на психологический облик героя.

Но создать художественно-убедительный характер — это ведь не значит заставить героя произносить те или иные, соответствующие данному сюжету, «служебные» фразы. Характер проявляется прежде всего в действии. И надо сказать, что сюжет романа предоставляет автору богатейшую возможность выявления характера Петра. Писатель не воспользовался по-настоящему эпизодами русско-японской войны, чтобы показать отношение к ней Петра. Поэтому и сцены войны проходят мимо читателя, не волнуют его. Рост невольности казаков войной также не раскрыт через живое восприятие героя. Рисуя интереснейшие события — участие казачества в рабочей забастовке на Юзовке, писатель хорошо изображает массовые сцены. В них много движения, остроты, осязаемости, сила воссоздания. К сожалению, главные действующие лица лишь мельком, бегло показаны в этих важнейших сценах. Ссылая же и Катерина, где Петр Ильин окончательно вырастает в убежденного революционера, полностью остаются за рамками произведения.

Во второй книге романа, где Петр показан на фронтах гражданской войны, писатель, стремясь обогатить повествование, заметно осложнил, а иной раз даже запутал сюжет романа. Третья же книга наглядно свидетельствует о том, что писатель вовсе перестал управлять сюжетом.

Вырвавшись из рук автора, сюжетные линии в последней части трилогии окончательно запутались, смешались... Стройная вначале композиция оказалась нарушенной, скомканной.

Писатель, уже не заботясь о стройности и четкости повествования своего главного замысла, как показал наглядно один из других эпизодов боя, партизанских схваток казаков с гитлеровцами, картины

побед, одерживаемых героями. Все это мелькает, не задерживаясь в памяти, не оставляя следа в сознании читателя.

У Петра трудно сложилась семейная жизнь. Когда его первая жена, дочь атамана Ильи Павловича Белкина, умерла, Петр сошелся с молодой, красивой казачкой Катериной. Во время пребывания Петра на каторге Катерина, не дожидаясь его возвращения, выходит замуж за рабочего-беловежника Аркадия Дронова и сама становится коммунисткой. Впоследствии Дронов, узнав Петра, узнав о любви к нему Катерины, добровольно «возвращает» Петру жену... Обо всем этом говорится поспешно, поверхностно. Беглыми, часто выспренними, умиленными репликами автор заменяет раскрытие подлинных человеческих переживаний.

В дальнейшем в действии романа, наряду с Петром Ильиным, появляются его дети от первого брака — воспитанный техникумом, атаманом Белкиным, сын Ильи и Катерины — Игорь, а также Мария Петровна, вышедшая замуж за Игната Горшковца (внука умершего Афанасия Федоровича). Характеристик этих людей крайне скупы. Особенно обидно кажется явная неуклюжесть, постигшая писателя в описании интересной фигуры Ильи Ильина.

Автор не изображает, а лишь мимоходом упоминает о своеобразии судьбы этого человека, взгляды которого на жизнь, на самых близких людей — отца и деду — протерпел крестную ломку. Читатель только догадывается о всей сложности его внутренней борьбы, совершающейся в душе Ильи, но она никак не отражена в чертах его натуры, его характера.

Не использовал Д. М. Петров (Вирюк) этот образ и для того, чтобы более отчетливо показать в романе реакционную часть казачества, борющегося против Советской власти в годы гражданской войны. А правильное объективно-историческое раскрытие самого хода войны и ее главных событий настоятельно требовало этого.

На повесту требования правды жизни, исторической правды, автор устранил бы и некоторую идеализацию быта казачества, которая дает себя знать и в первой книге романа.

Сын Ильи Петровича Ильина — молодой Петр Ильин (внука Петра Александровича) и подруга Петра Петровна Аля (дочь Игната Горшковца) очерчены писателем еще бледнее. Автор почти не наделяет их хотя сколько-нибудь заметными индивидуальными способностями, которые наблюдаются у представителей старшего поколения. Поэтому иной раз просто трудно разобраться в родственниках и общественных связях семьи Ильиных, трудно держать в памяти события и перемены, по которым происходят в жизни героев, особенно в период Отечественной войны. Трудно не потому, что герои много, а потому, что об их фронтовой и партизанской деятельности автор говорит весьма косвенно и коротко.

А жалко! Писатель имел здесь перед собой богатейшие поле творческой деятельности, но ограничился лишь «мелкой вешалкой» этого поля. Что же удивляться, что всеходы оказались на нем не такими богатыми, какими могли быть они у действительно знающего жизнь автора.

4. Книга написана широким, размашистым стилем, причем легко заметить, что авторская речь занимает в тексте сравнительно небольшое место. Повествование почти непрерывно ведется посредством развернутого диалога.

Иногда даже начинаешь думать, что писатель предпочитает этот, — видимо, кажущийся ему наиболее легким — способ изложения: пусть, мол, герои говорят, как хотят! Построенный по такому принципу диалог часто упрощает своей неадекватностью, отсутствием той писательской отдачи, которая, конечно, ничего общего не имеет с «глазкостью» и «округленностью».

Речь многих персонажей — особенно в первой книге — индивидуальна и своеобразна. Она имеет живой, колоритный характер. В разговорной манере стариков-казаков Афанасия Горшковца, деду Карпа, Матвея Ипатовича, Трофима Журавля, Шелюкова и других отчетливо звучат такие выражения, как «послушайте», «студиз», «супротив», «навроде», «бредливый» и др. Но когда начинается разговорный монолог — третье поколение героев, — то с сожалением замечаешь, что их речь никак не типизирована автором. Она просто бесцельна.

Не всегда точна, продумана и авторская речь. Так, например, автор пишет: «Взяв в Петте еще неопытного и являющего саушата, лопатный мир для которого был чем-то вроде тайны океанской глубины, он начал ему рассказывать такую вещь, что юность только род раскрывал от изумления...»

Даже в первой и бесспорно лучшей книге романа встречаются литературные штампы и вычурность. «Важная, как голова Будды, выплывала из-за бугра луна», «...казачья жизнь кажется серебряным кубком, наполненным шипучим пижамским вином». Часто писатель повторяется в своих суждениях. Он по многу раз употребляет одно и то же слово: «Катерина бурно лезла его, «улицу ураганной лавины» захватывала бурная волна рабочих», «ночь проходила бурно», «бурно встали с дивана командир соединения» и т. д.

На многих страницах романа остались не замеченными или самим писателем, из редакторской книги ссылаются несообразности. На стр. 289 Аркадий Дронов упоминет Петра Ильина об этом. При этом получается, что один хлещет борца, а другой — цу. А когда Илья Петрович Ильин заглаживает у незнакомого казака в станице Горьковской, его «милониды» хлещат через одну станицу оказывая старухой.

Таким образом, часто встречается в романе и неуместное скашивание на обиходные фразы: это не что иное, как художественные потери, ослабляющие и замысел и его воплощение.

Читатель «Сказания о казаках» почувствует немало ценных сведений из этой большой книги; усвоит он и все хорошие патристические мысли, заложенные автором в основу повествования. И все-таки хочется пожелать автору творчески вернуться к трилогии, с тем, чтобы довести художественный замысел до конца. Если в первых двух частях нужна разработка некоторых характеров и отдельных эпизодов, то последняя часть трилогии нуждается в серьезной переработке.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ «СЛОВО ПРОСЯТ НАЧИНАЮЩИЕ ПИСАТЕЛИ»

Под таким заголовком в газете «Правда Украины» недавно опубликованы два письма молодых литераторов — Ф. Бабанского и А. Терновского.

Как пишет Ф. Бабанский, Полтавское областное литературное объединение существует более пяти лет. В 1950 году были изданы книги стихов молодых поэтов области Н. Хоменко и Я. Шутько. Поставлены пьесы начинающего драматурга П. Лубенского «Ненюкоренная полтавчанка» и «Солжата». Здесь был написан повесть А. Горбачева «Офицер медицинской службы», вышедший сборник песен Полтавщины «Урожай нам золотой». Более тридцати членов объединения систематически выступают в печати.

«Но сделано, конечно, еще очень мало», — говорится в письме Ф. Бабанского. — В работе литературного объединения есть серьезные недостатки. Доля вина за это лежит на бюро объединения и в первую очередь на его председателе О. Юренко. Бюро не планирует своей работы, не заботится о творческой и политической учебе молодых поэтов и писателей. Достаточно сказать, что в течение минувшего года для членов объединения не было прочитано ни одной лекции по теории марксизма-ленинизма, по истории и теории литературы, по вопросам художественного мастерства».

Областная газета «Зоря Полтавщини», ранее собиравшая литературную молодежь при редакциях, сейчас охладела к этому делу. В обком комсомола, в обком партии и на литературном объединении вспоминают редко. Плохо руководит областным литературным объединением правление Союза Советских писателей Украины.

Не лучше обстоят дела и в литобъединении на Сумщине, как это видно из письма А. Терновского. Только раз в Сумах было проведено областное совещание молодых литераторов, на котором присутствовали прибывшие из Киева писатели Ю. Дольд-Михалик, А. Ющенко, Я. Шпурта. «После этого прошло много времени, но в жизни литературной молодежи ничего не изменилось», — сообщает автор письма. — Ее никто не собирал, творчеством ее никто не интересовался. Бюро литературного объединения бездействовало. Забыли о существовании литературного объединения на Сумщине товарищи из Союза советских писателей Украины, забыли о нем и отдел пропаганды и агитации областного комитета партии».

До сих пор не налажена творческая и политическая учеба начинающих писателей. Редакция областной газеты «Ленінська правда» не привлекает их к участию в своих страницах. А ведь «...начинающие писатели смогут расти и совершенствоваться только при повседневном и глубоком внимании к ним, при условии серьезной, но доброжелательной критики их произведений. А об этом-то редакция областной газеты и забывает».

Начинающие писатели сказали свое слово на страницах газеты «Правда Украины». Надо полагать, что вопрос, поднятый ими, не останется без ответа в правлении Союза советских писателей Украины, в редакции газет «Зоря Полтавщини» и «Ленінська правда».

Новое собрание сочинений В. Г. Короленко

155-тысячным тиражом выходит сейчас вышестоящее собрание сочинений В. Г. Короленко, выпускаемое в качестве приложения к журналу «Огонек». Это издание включает все значительные художественные произведения писателя, избранные очерки и статьи.

Еще более полным является новое собрание сочинений В. Г. Короленко, предпринятое в этом году Гослитиздатом. В десятом томе будут собраны не только все его художественные произведения, но и широко представлена публицистика. Эта часть наследия В. Г. Короленко редко переиздавалась и мало известна советским читателям. Наконец, в новом издании будут также опубликованы избранные письма писателя. Тексты давно подготовлены к печати его дочерью Н. и С. Короленко. Вступительная статья А. Котова. Собрание сочинений будет осуществлено в течение 1953—1955 годов.

Гослитиздат предполагает выпустить также сборник воспоминаний современников о В. Г. Короленко. Наряду с известными читателям воспоминаниями М. Горького, В. Вересаева, С. Елпатьевского в книгу войдут ряд новых мемуаров. На Украине выходит четырехтомное собрание избранных произведений В. Г. Короленко на украинском языке.

Эти издания предприятия в связи с исполняющимся в этом году столетием со дня рождения писателя. Союзом советских писателей СССР создана под председательством Ф. Гладкова комиссия по ознаменованию этой даты.

Выставка румынской детской литературы

В Москве, в Доме детской книги, открыта выставка румынской детской книги.

Несколько лет назад, впервые в истории Румынии, было создано Издательство книг для молодежи при ЦК Союза трудящейся молодежи. Только в прошлом году издательство выпустило два миллиона триста тысяч экземпляров книг для детей. Оформленные лучшими художниками, выпускаемые для детей произведения классиков румынской литературы М. Эмнеску, И. Кригэ, И. Караджале и М. Саловану. На выставке много книг современных румынских писателей. Отдельное место на стендах занимают номера литературного журнала, издаваемого самими ребятами — членами литературного кружка Бухарестского Дома пионеров.

На выставке много переведенных на румынский язык книг советских писателей. По этим книгам румынские ребята знакомятся с жизнью пионеров и школьников Советского Союза. Особой любовью и популярностью пользуется творчество А. Гайдара, книгам которого посвящен специальный стенд. Большое место на выставке занимают произведения А. Барто, В. Катаева, С. Маршак, С. Михалкова, А. Мухоморова, Н. Носова, В. Осеевой, А. Фадеева.

За один только 1952 год советские книги для детей вышли на румынском языке тиражом свыше миллиона экземпляров. Любимо подобрали и красочно оформили на выставке. Отзывы ее посетителей свидетельствуют об интересе, который вызывает у нас молодая румынская литература для детей.

Ю. ДАШЕВСКИЙ СУДЬБА ОДНОГО ВЫПУСКА

Диплом об окончании учебного заведения иногда называют путевкой в жизнь. Перед обладателем такой путевки в нашей стране открыто множество путей и дорог. И так интересно, так заманчивы эти пути, что, бываю, молодой специалист не из шутки призадумается: какой же избрать?

У 138 выпускников Ленинградского Высшего художественно-промышленного училища не было, однако, оснований для подобных раздумий. На опыте своих старших товарищей они знали: заповедь на них не принята, и устремиться на работу можно из них придется самостоятельно. Хорошо еще, если удастся устроиться по специальности...

Ежегодно из стен училища выходят десятки высококлассифицированных специалистов в области декоративной живописи и скульптуры, архитектурной керамики, художественной обработки текстиля, металла, дерева. Они могут быть использованы в качестве проектировщиков всех видов комплексной архитектурной отделки, могут работать в реставрационных мастерских, на текстильных и мебельных фабриках, в фарфоровой и металлической промышленности; словом, везде, где речь идет о выпуске красивых вещей, об удовлетворении высоких эстетических запросов советского человека.

И тем не менее каждый год происходит нечто непонятное: многие выпускники училища вынуждены начинать свой трудовой путь с профессии, весьма далекой от их прямой специальности. Так случилось и с выпускниками минувшего года. Нет, не стоило С. Столирову оканчивать курс по отделению художественной обработки металла, чтобы затем оформлять доски почта и писать объявления в Институте усовершенствования учителей. А разве обязательно проходить курс отделения архитектурно-художественной керамики (В. Карабин) или отделения декоративной скульптуры (М. Виноградова, А. Окунев и др.), чтобы переплетать чертёжи и рисовать в средней школе? Значительное число выпускников «получило право самостоятельного устройства на работу», т. е. осталось вне всякого распределения. Показательно и то, что из 138 человек только 22 уехали на периферию. Это преимущественно учителя чертёжи и рисования и цитомцы трехгодичного отделения мастеров.

Немного лучше положение тех, кто был направлен на внештатную работу в «ЛенПЗО», «Ленторекламу» и в другие организации. Недостатки в художниках там не было, а необходимость прибывать в редакцию, случайными заказами не сводит ничего хорошего молодому специалисту.

Распределение на работу выпускников училища первоначально велело Управление по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР. Потом дело было передано дирекции училища.

8 января 1952 года впервые за время своего существования училище получило «план междуведомственного распределения молодых специалистов», согласно которому из 97 набравших квалификационных выпускников 65 человек подлежало передать в распоряжение Министерства просвещения РСФСР (для использования в качестве учителей чертёжи и рисования), по одному специалисту направлялось в систему Министерства местной промышленности, в распоряжение Совета Министров УССР и т. д. Трудно сказать, из чего исходили составители этого любопытного документа. Известно одно: руководители ряда организаций, в распоряжение которых поступали выпускники, узнали об этом последствием. А когда узнали, удивленно пожали плечами и отнекивались категорическим отказом.

Прошло немало времени, прежде чем было окончательно установлено, что данный училищу план — вовсе не план, а просто, как говорится, «липа», и руководители в действительности служить не могут. И тогда во все концы страны, в самые различные организации полетели десятки стандартных телеграмм, в которых дирекция слезно просила принять на работу питомцев училища. Прошло еще некоторое время, и в адрес училища стали поступать

«ОДЕЖДА» КНИГИ

Известно, что многие издательства нашей страны (Ленинград, Гослитиздат, Госполитиздат) выпускают книги в мягкой обложке. Известно также, что библиотека учащихся в обращении книг без переплета. Дети, читая книгу без переплета, особенно такую, на которую имеется большой и постоянный спрос, — значит уже через несколько дней списать ее по акту, как изношенную, непригодную к выдаче.

Однако переплести книгу не так-то просто. Правда, переплетать есть где. В городах имеются мастерские, принимающие различные кустарно-промышленные артели. Но цены на переплеты в этих артелях очень высоки. Так, артель «Кооппечатники» в г. Куйбышев, обслуживающая по договору областной библиотечный коллектор, берет за переплет книг второе дороже, чем стоят сами книги. Например, переплести небольшую по формату и совсем маленькую по объему книжку В. Жуковского «Кот в сапогах» (Ленинград, 1952 г., цена 60 коп.) стоит 1 руб. 90 коп., а за переплет сборника рассказов К. Шестакова «У костра» (Куйбышевское областное издательство, 1952 г.), состоящего 1 руб. 30 коп., берет 2 руб. 75 коп. Дешевле 1 руб. 67 коп. нельзя в г. Куйбышев переплести ни одной книжки.

Почему же такие высокие цены? Может быть, переплести очень изнано и изнано? Или они из дорогих материалов? Нет, во всех случаях делают их грубо, кустарно: проволочная сшивка, клеенчатый корешок, корки, вырезанные из негодных галантерейных коробок. Переплетчики артели «Кооппечатники» даже краев обложки не загибают на краях корок. Они обрезают обложку вместе с картоном — так, мол, проще и быстрее. А то, что книга от этого становится некрасивой, полагает больше на реестр, чем на литературное издание, это не их забота.

Поскольку говорят: «На безрыбье и рак рыба». Когда негде переплести, бьются ред и дорого стоящую переплесту артели «Кооппечатники» в г. Куйбышев.

Но в «Кооппечатники» цены еще «божественны». Артели Всероссийского общества слепых берут за переплесту от 4 до 12 рублей.

не менее стандартные ответы. Академия архитектуры УССР. Управление строительства. Лентореклама, Министерство путей сообщения, Министерство мясной и молочной промышленности и многие другие учреждения и министерства с готовностью сообщали, что в художниках декоративно-прикладного искусства они не нуждаются.

В самый критический момент, когда поток «холодных» телеграмм являлся, а вопрос распределения выпускников оставался попрежнему «открытым», из Управления по делам архитектуры пришла спасительная бумага в виде списка областных отделов народного образования, испытывающих недостаток в учителях чертёжи и рисования. Заручившись таким документом, дирекция воспрянула духом. Телеграммы, хлывшие на сей раз в Грозный, Тюмень, Сыктывкар, Благовещенск, Барнаул, Томск и другие областные и краевые центры, были составлены уже в повелительном тоне:

«...вам выделен художник высшего образования работу учителя рисования чертёжи. Срочно сообщите заявку указавшим должности зарплаты жилищной».

Объяснить создавшееся положение «перепроизводства» специалистов в области декоративно-прикладного искусства было бы неправильно. На периферии, особенно в наших национальных республиках, в этих кадрах остро нуждаются, их ждут, потребность в них растет с каждым годом.

Дело здесь, думаю, совсем в другом: в организации труда художников-прикладников, в строгом планировании подготовки и распределения специалистов.

Огромный размах строительства в нашей стране, небывалый рост эстетических запросов советских людей давно и настоятельно требуют присутствия художника там, где раньше в этом не было особой необходимости. Между тем даже на многих предприятиях, выпускающих художественные изделия, штатной должности художника не существует. Художникам приходится работать на договорных началах, прибавляясь случайными заказами.

Пожалуй всего прочего, такая система освобождает администрацию от какой бы то ни было заботы о своем «внештатном» работнике. Периферийные организации «Бескохудожника», например, охотно примут на внештатную работу большое количество выпускников училища. Но при этом молодые специалисты не получают ни денег на проезд в место назначения, ни жилищной, ни гарантированного заработка. Выходит, ленинградские и родственные ему училища заведомо готовят «внештатных» специалистов, на которых не распространяется общепринятая государственная форма трудоустройства.

Отсутствие централизованного учета потребности в кадрах художников-прикладников порождает бесплановость и неразбериху. И вот, вместо того, чтобы забить тревогу, попытаться ввести в дело подготовки и распределения молодых специалистов какое-то плановое начало, в Управлении по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР стали усиленно думать о том, как бы от них вообще избавиться. Можно представить, как обрадовались руководители управления, когда заботу о трудоустройстве выпускников унаследовало частично передать на плечи бывшего Министерства высшего образования!

Летом 1952 года в Ленинградское Высшее художественно-промышленное училище был целиком влит Московский институт прикладного и декоративного искусства. Теперь в этом крупнейшем в стране художественном учебном заведении обучаются 875 студентов. В нынешнем году из его стен выйдут еще 208 молодых специалистов. Если учесть, что на подготовку одного выпускника расходуется до ста тысяч рублей, станет понятно, во что обходится государству по меньшей мере странная позиция Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР. Судьба последнего выпуска в этом смысле весьма поучительна.

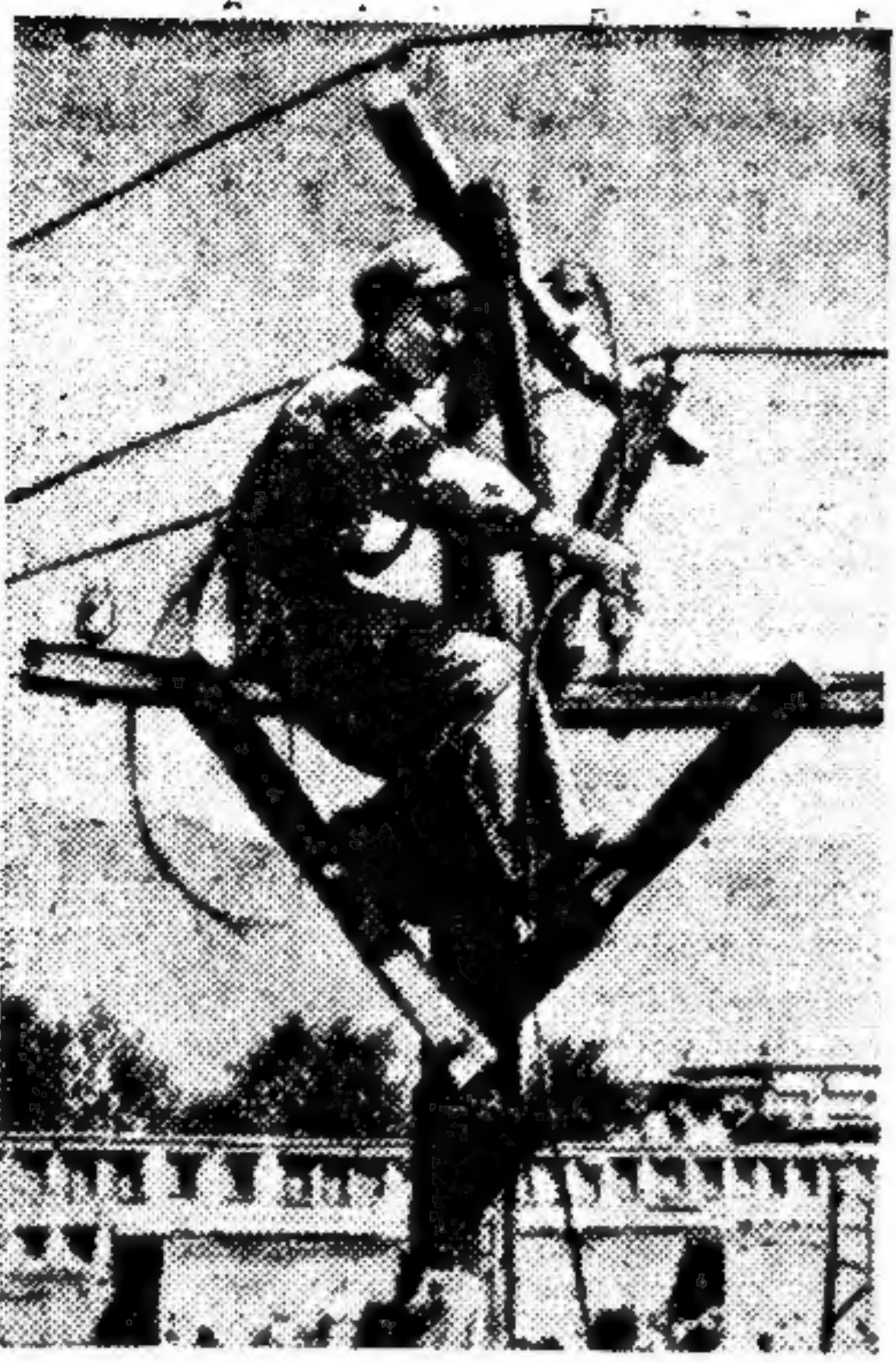
Все это приводит к тому, что Куйбышевский библиотечный коллектор ежегодно платит артелям за переплесту по 200—250 тысяч рублей.

Пора серьезно задуматься над вопросом о переплесте. Пора наладить выпуск книг для библиотек в жесткой обложке. Сколько было бы бережено средств, если бы библиотечные коллекторы и библиотеки получили массовую литературу в таком, скажем, оформлении, как «Василий Теркин» А. Твардовского. Выпущенная Гослитиздатом в массовом объеме, эта книга стоит в среднем 4 рубля. А если бы ее выпустили в мягкой обложке, библиотектор и библиотеки вынуждены были бы заплатить за переплет каждого экземпляра самое меньшее по 3 рубля — второе дороже, чем это обошлось на книжной фабрике.

Книги, предназначенные для библиотек, надо переплести в издательских типографиях. Ведь во многих типографиях на местах переплетные цехи не загружены.

Поднятый нами вопрос касается многих городов страны. Преобладающее большинство переплетных мастерских находится в ведении промкооперации, и чем руководствуются артели, устанавливая расценки на переплесту, непонятно.

Н. БОРИСОВ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»
г. КУЙБЫШЕВ

Бойцы Китайской Народно-освободительной армии помогают населению Тибета обрабатывать землю, строить дороги и оросительные каналы, проводить линии электропередачи. На снимке: боец Народно-освободительной армии ремонтирует линию электропередачи в Лхасе.

В пробужденном Тибете

Два года назад, 23 мая 1951 года, между Центральным Народным правительством Китайской Народной Республики и местным правительством Тибета было подписано «Соглашение о мерах по мирному освобождению Тибета».

Новая жизнь пришла в отдаленный западный район Китая. Центральное Народное правительство уделяет огромное внимание экономическому и культурному строительству Тибета. Местным крестьянам выдаются значительные суммы, их снабжают семенами, минеральными удобрениями и сельскохозяйственным инвентарем. Бойцы Народно-освободительной армии Китая провели оросительные каналы, поляны тысячи гектаров целинной земли, которая дала в 1952 году невиданный еще в Тибете урожай картофеля и овощей, организовали добычу каменного угля.

Развитию экономики и торговли края содействует новое Сикан-Тибетское шоссе. Прокладку его начали во время освобождения Тибета бойцы Народно-освободительной армии. В суровых климатических условиях они перестраивали полевые мосты через стремительные реки и зияющие пропасти. Вдоль новой дороги уже выросли многочисленные населенные пункты — новые центры политической и культурной жизни этого еще недавно затерянного среди высочайших гор края, где единственным средством передвижения был тибетский як. Когда в октябре 1952 года в городе Чанду состоялось торжественное открытие участка дороги Чанду—Ганзис, более 400 грузовых машин двинулось одна за другой, приветствуемые восторженными возгласами населения. Первая въехавшая в Чанду машина была украшена большим портретом товарища Мао Цзэ-дуня. «Наконец-то «яки» председатели Мао прибыли!» — восклицали ликующие люди.

В крупнейших тибетских городах — Лхасе, Шигатсе и Гьялзе создана сеть светских школ, открыты хорошо оборудованные больницы и поликлиники, издаются газеты на тибетском языке, печатаются большие тиражами книги и учебники. Китайский народ привнес в Тибет правду о Советском Союзе, великой державе мира и социализма. В Тибете был проведен месячник китайско-советской дружбы.

Тибет уже уверенно посылает по пути хозяйственного и культурного развития в родной семье братских национальностей Китайской Народной Республики.

Проф. Н. НУЖДИН

Английский ученый о торжестве мичуринских идей

Много лет вели советские мичуринцы борьбу против морганистов. Однако до есени Вессоновой академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, произошедшей в августе 1948 года, зарубежные морганисты редко выступали по вопросам новой, или «восточной», генетики, как они впоследствии стали называть генетику мичуринскую. Они замалчивали ее существование, делая надежду, что морганистская генетика победит.

Надежды их, как известно, не осуществились. Вейсманизм-морганизм в нашей стране был идейно разгромлен.

Тогда зарубежные морганисты, не имея научных аргументов, чтобы противопоставить их мичуринской науке, прибегли к клевете. У этого грязного потока клеветы есть одна характерная особенность. Клеветнические упреждения Меллера или Гольдшидта было бы неинтересно читать Гексли или Дарвингтону, ибо сами они не меньше специалисты в делах такого сорта. Поэтому «соловьиные» генетические журналы, расчитанные на узкий круг жрецов морганистской генетики, распространение клеветнических измышлений перепоручили, так сказать, «научно-популярной» и массовой литературе, вплоть до спортивных обозрений и различных воскресных приложений. Именно на страницах этих изданий подвизаются большие и малые клеветники от морганизма. По научным журналам обливанием мичуринской биологии грязью занимаются английский журнал «Природа» да американский «Наука», которые расчитаны на широкие круги студентов, преподавателей и ученых разных стран.

Однако пролужавшая дискредитация клеветы не приносит плод, на которые расчитывали ее изобретатели. Правда о мичуринской биологии становится все более известной для рубедом.

За последние пять лет мне пришлось посетить ряд зарубежных стран, и всюду я встречал людей, знакомых с основными

ПО СТРАНИЦАМ АМЕРИКАНСКОЙ ПЕЧАТИ

КАК ЖИВЕТ СТАЛЕЛИТЕЙЩИК ДЖОЗЕФ ПАДИЛЬЯ

«Семья не может просуществовать на заработок сталеитейщика». Так сказал Джозеф Падилья, рабочий-сталеитейщик из Чикаго. Корреспондент газеты «Юркер», беседовавший с Падильей, написал с его слов правдивый рассказ о той беспросветной нужде, в тисках которой бьется его семья, как, впрочем, и большинство семей рабочих-сталеитейщиков. «Несчастья следуют одно за другим несносимым потоком», — замечает корреспондент, — если ваша заработная плата ниже того, что власти считают «минимумом для здорового и приличного существования».

Для Джозефа Падилья, как и для тысяч его товарищей, работающих на заводе «Пленд-стел», не может быть и речи о «здоровом и приличном существовании». Падилья исполнилось 46 лет, из них он проработал на «Пленд-стел» 32 года, начав с 14-летнего возраста. А чего он ждёт? Почета, обеспечения, возможности дать образование детям, наконец, хотя бы такой заработной платы, на которую можно было бы жить не впроголодь? «То, что я получаю, — с горечью говорит Джозеф Падилья, — едва ли можно даже назвать заработком на жизнь». Ему, получающему гроши, не так-то легко прокормить семью — жену и семерых детей. Характерное обстоятельство: несмотря на то, что в сталеитейской промышленности США существует шкала оплаты, состоящая из 32 категорий, подавляющее большинство рабочих-сталеитейщиков всегда находится в самом первом, наиболее низкооплачиваемом десятке. Падилья, проработавший на заводе почти века, тоже среди них.

Джозеф Падилья — не исключение. Он — один из многих миллионов американских рабочих, чей жизненный уровень непрерывно снижается под натиском растущих цен и налогов. Даже по официальным данным министерства труда США стоимость продуктов питания возросла после второй мировой войны на 65 процентов. А с 1950 года (после начала войны в Корее), по подсчетам Объединенного профсоюза электриков, стоимость жизни в США выросла примерно на 25 процентов. Хотя американским трудящимся приходится платить за жилье от одной четверти до одной трети своего заработка, квартирная плата продолжает повышаться.

Перевод экономики на военные рельсы привнес в непрерывному росту налогов в США. Буржуазная печать уже не в силах скрыть невиданные масштабы налогового гнета. «Ваш налоговый счет... 79 миллионов долларов» — под таким выразительным заголовком журнал «Мэгзин оф Уолл-стрит» публикует статью, в которой вынужден признать, что цифра налоговых сборов является «шокирующей». «Налоги растут по всей стране», — констатирует журнал. — Они увеличиваются выше и выше».

Орган монополий, журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Репорт» признал недавно, что налоговые сборы в настоящее время являются «самыми высокими в истории страны». Из каждого доллара собранных правительством налогов, по свидетельству журнала, 58 центов расходуется непосредственно на военные цели. Еще примерно 20—22 цента затрачивается на накопление стратегических запасов, на производство атомных бомб и т. д. и т. п.

А как пытаются рядовой американец? Весьма любопытные сведения по этому поводу сообщил доктор Харрал де Граф из Корнелльского университета. В печати были опубликованы его посты, показавшие, что в США сокращается потребление ряда важнейших продуктов на душу населения. Так, по данным де Графа, «средний» американец по-

требовал в 1951 году на 17 фунтов меньше мяса, чем в 1947 году. Потребление молока также сильно сократилось: «средний» американец теперь потребляет в год на 35 литров меньше, чем в 1946 году.

Согласно официальной статистике министерства земледелия США, подтвержденной данными де Графа в отношении мяса и молока, потребление свежих овощей на душу населения сократилось в 1952 году на 31 фунт по сравнению с 1946 годом. Все возрастающее налоговое бремя, непрерывный рост цен влекут за собой снижение реальной заработной платы, прогрессирующее обнищание трудящихся. Зато монополии США с июня 1950 года по конец 1952 года уловили свои доходы: с начала войны в Корее они получили (до вычета налогов) 107 миллиардов долларов прибыли.

Милитаризация экономики влечет за собой сдерживание производства в гражданских отраслях промышленности. В органе министерства торговли США «Сарвей оф Каргент Бизнес» был помещен экономический обзор за 1952 год. В этом обзоре отмечалось, что в 1952 году еще больше сократилось гражданское производство — результат преимущественного выделения средств и материалов на военные цели. «В прошлом году», признается в обзоре, — количество материалов, непосредственно выделенных для производства товаров гражданского типа, составило в среднем около 50 процентов размеров потребностей в докореисий период». В итоге — растет безработица в гражданских отраслях промышленности. Министр торговли Уайкс опубликовал отчет бюро переписи, в котором указывается, что число безработных в январе 1953 года увеличилось с декабря на 500 тысяч человек. Еще полмиллиона рабочих и их семьи впадают, таким образом, в армию безработных.

Вся наступление на жизненный уровень трудящихся, монополисты стремятся в то же время выжать из каждого рабочего как можно больше прибыли. Для этого они прибегают ко все усиливающейся интенсификации труда. «Спид-ап» — потогонные темпы работы — вот еще одна бич, против которой приходится вести борьбу американским рабочим. Буржуазная печать всячески пытается внушить трудящимся, что их жизненный уровень зависит якобы от «повышения производительности труда». Но на деле рост выработки на каждого рабочего ведет лишь к увеличению прибыли монополий.

Согласно данным, опубликованным в американской печати, доходы, получаемые монополиями от одного рабочего, возросли с 1949 года по 1952 год почти на 80 процентов. Еще более характерные показатели по отдельным отраслям. Возьмем ту же сталеитейскую промышленность. Прибыли крупнейших монополий «Юнайтед Стейтс корпорейшн» от эксплуатации каждого рабочего, как сообщила недавно газета

Пикет бастующих американских рабочих-сталеитейщиков у ворот одного из заводов «Нэшнл тьюб компани» в Гейри. На плакатах — надпись: «Этот завод бастует». Фотоснимок сделан во время забастовки 1952 года.

Снимок из американской газеты «Чикаго трибюн»

«Дейли уоркер», возросли с 1946 года почти в четыре раза. Если в 1946 году корпорация получала от каждого занятого на ее предприятиях рабочего 590 долларов прибыли, то в 1947 году эта цифра возросла уже до 920, в 1949 году — до 1.200, а в 1951 году — до 2.149 долларов.

Система «спид-ап» превращает цехи американских заводов в сущий ад для рабочих, изнуряет людей, подрывает остатки их здоровья. Незарум в США непрерывно увеличивается число несчастных случаев на предприятиях. Прибыли, добываемые подобными методами, поистине обременены кровью трудового люда Америки. Особенно тяжелым является положение в сталеитейской промышленности, где работает Джозеф Падилья.

«...Кран мартовской печи № 3 вдруг остановился», — рассказывает корреспондент газеты «Дейли уоркер». — Кто-то крикнул: «Эй, поглядите-ка, что там случилось с Чарли». В кабине крана Чарльз Эдуард сидел, опустив голову на руки, мертвый. Разрыв сердца.

Такая? Убийство? Нет, не тайна. Да, убийство с преднамеренной целью. Эдуард — крановщик завода «Юнайтед Стейтс» в Южном Чикаго — стал жертвой сапожного бесчеловечного на всех убийцы — «спид-апа».

По данным Американской федерации инвалидов, около 2 миллионов промышленных рабочих в Соединенных Штатах ежегодно становятся жертвами несчастных случаев и получают увечья.

Однако американские рабочие не намерены быть пассивными жертвами алчности монополий. Они усиливают борьбу за свои жизненные права. Свидетельством этого является рост забастовочного движения в США. В начале января 1953 года журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Репорт» поместил на своих страницах статью, в которой с тревогой высказывались весьма обоснованные опасения, что забастовочное движение в этом году усилится. Статья была озаглавлена так: «Увеличатся ли в будущем число забастовок?». Ответ на этот вопрос дала сама жизнь.

В январе начали забастовку весовщики и контролеры Нью-Йоркского порта. К ним присоединились и грузчики. Половина пристаней Нью-Йорка была парализована. В феврале Нью-Йоркский порт снова был парализован забастовкой, погрузка и разгрузка океанских судов в порту полностью остановились. Восточные требования повышения заработной платы. С начала года бастовали также более 10 тысяч работников пригородных автобусных линий в Филадельфии.

В апреле бастовало 10.000 рабочих компании «Дженерал электрик» (завод в Сиракузах), водителю и служащие автобусов в Акроне. В Калифорнии объявили стачку 4.600 рабочих завода реактивных самолетов и 6.400 рабочих предприятий, производящих газ и электричество.

Все большее число американских рабочих требует повышения заработной платы. Так, например, профсоюз рабочих сталелитейной промышленности, объединяющий 1.127 тысяч человек, уже выдвинул подобное требование. Согласно существующему сейчас контракту с предпринимателями, в том случае, если в 30 июня не будет достигнута договоренность, рабочие металлургической промышленности США могут начать забастовку.

Миллионы трудящихся США на собственном опыте познают тесную связь, которая существует между походом монополий против жизненного уровня народа и политической милитаризацией страны.

Международная почта

КОВАРНАЯ МАСКИРОВКА

В возрождении фашистского вермахта французский народ, каждая французская семья видят угрозу миру и безопасности своей страны. Тем не менее французская реакция всеми силами стремится протолкнуть через парламент бонитский и парижский военные договоры, которые узаконивают перевооружение Западной Германии.

Откройте! Это молочник!.. Рисунок художника Мителберга из французской газеты «Юманите»

БЕГСТВО СИДНЕЯ ДЖОНСА

Англичанин Сидней Джонс, изображенный на этой фотографии, в недавнем прошлом — наемный солдат французских колонизаторов.

Бессмысленный бой, затеянный импералистами в Индо-Китае, он принял решение во что бы то ни стало расстаться с ненавистным ему империалистическим лагерем.

Свое намерение Джонс привнес в исполнение, когда французское транспортное судно «Санте», на борту которого он в тот момент находился, вошло в пещерный порт Коломбо и встал на якорь. Звезд Сидней Джонс бежал. Французские представители, не без успеха, пытались его вернуть, но безуспешно. Взысканные дезертирством легионера, французские власти установили крупное денежное вознаграждение за поимку беглеца. Однако Джонс сумел устроиться на корабль, который доставил его в Англию. Теперь, пишет западногерманский журнал «Ревю», помещивший фото Сиднея Джонса, он хочет лишь одного: как можно скорее забыть пережитую им войну в джунглях.

Это отнюдь не редкий случай бегства из французского иностранного легиона. Австрийская газета «Эстеррейхше фольксциммер» сообщает, что недавно, например, бежали два других солдата — швед Эрикссон и финн Энсио. В открытом океане они выжили с резным плотиком за бортом судна, везшего их в Индо-Китай. Растет число легионеров — юношей всех национальностей, отказывающихся участвовать в кровавой авантюре французских империалистов.

КАНДИДАТ В ГЛАВНЫЕ КАПЕЛЛАНЫ

«Я нахожу, что в ненависти людей к не есть что-то истерическое. Этот злобный «афоризм» — плод «глубоких раздумий» человека, облеченного духовным саном и названного проповедовать любовь к ближнему. Вот его Кристиан Бартольд. Он — пастор, проживающий в датском городе Халсе. Прогитированные выше слова взяты из книги Бартольда, выпущенной датским издательством «Лосес форлаг».

Идею «христианского смирения» Кристиан Бартольд, как это отмечает датская демократическая печать, и раньше был склонен понимать весьма специфически. Когда в Дании хозяйничали немцы фашистского толка, пастор-коллаборационист убеждал население примириться с гитлеровской оккупацией. Теперь он провозгласил проповедь с сильным антифашистским акцентом, призывая мирный датский народ к новым жертвам во имя милитаризма.

«У меня такое ощущение», — заявляет Бартольд в своей книге, — что многие люди, которые столь восторженно говорят и пишут о войне и дьявольском вооружении, не понимают действительности, в условиях которой мы живем».

Мирное существование явно не устраивает воинственного пастора. Ему, видимо, гораздо более по душе война. Это обстоятельство Кристиан Бартольд и постарался засвидетельствовать на страницах своей книги.

Его усердие в этом направлении наводит на мысль: уж не метит ли Бартольд на теплые места главного капеллана «верпейской армии».

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

Прелюбопытную историю рассказала австрийская газета «Эстеррейхше фольксциммер».

В расположенном недалеко от Линца маленьком городке Верхней Австрии недавно появился некто Конрад Дик. Быстро определив, каковы устроения среди местных властей, Дик чистошерочно рассказал, что он один из тех эсэсовцев, которые в годы второй мировой войны уничтожили французский город Ордуар-сюр-Глан, и что он спасается от преследования.

Что сделали, услышав это откровенное признание, бургомистр — правый социалист и вице-бургомистр — член народной партии? Они радужно открыли Дикку свои объятия!.. Провидя слезы сочувствия и умиления над судьбой беглого эсэсовского убийцы, они полностью экипировали его за счет общины.

Конрад Дик блаженствовал. О прибытии «знаменитости» узнало провинциальное правительство Верхней Австрии и поспешило в свою очередь проявить внимание к Дикку, вылав ему порядочный денежный куш в качестве «субсидии».

Мало того. Глава правительства провинции Верхней Австрии Гейтнер назначил Дикку аудиенцию. И лишь одно непреодолимое обстоятельство помешало этому

историческому свиданию военного преступника и важного государственного чиновника. К великому конфузу всех окружающих Дика почтительным вниманием оказалась, что он не эсэсовец, не палач Ордуара, а заурядный авантюрист, скрывающийся от преследований за мошенничество! Дик не ошибся, рассчитывая на покровительство Заннига «палача Ордуара» — заменил ему визитную карточку. Но обмануть надежду ему не пришлось. Выяснив, что Конрад Дик не является эсэсовским головорезом (и, следовательно, не может быть ничем полезен), разочарованные провинциальные власти упрятали его в тюрьму...

В ДЖУНГЛЯХ ВЕСТ-ЭНДА

Этот доклад, по словам журнала «Трибюн», «раскрывает некоторые секреты джунглей Вест-Энда (район, где сосредоточено большинство лондонских театров. — Ред.) и приводит поразительные факты относительно гипотезы, этой области небольшой группы деловых».

Действительно, доклад дает яркую картину того тяжелого положения, в котором находится британский театр. За последние годы право монопольного владения театрами захватили в свои руки кучка бизнесменов, извлекающая из эксплуатации зрелищных предприятий огромные прибыли. Эта группа контролирует половину театров Лондона и более 70 процентов лучших развлекательных трупп. Возглавляет ее Принс Липпелер, который является директором пятидесяти театров театральных компаний. Его брат Эмил, тоже принадлежащий к этой группе, входит в советы директоров тридцати семи театральных компаний.

Монополия имеет широкие связи с рекламными и страховыми фирмами, владеет собственными пивоваренными предприятиями. Сфера деятельности этого объединения угрожающе расширяется. Английская пресса указывает, что существующие законы о монополиях тем не менее не могут помешать объединению скрупулезно все театры в Лондоне и провинции.

Наибольшую тревогу английской общественности вызывает тот факт, что бизнесмены, установив финансовый контроль над театрами, полностью контролируют и репертуар. Основное соображение, которым руководствуются при выборе пьес, — их способность «делать кассовые сборы», привлекая публику. Отсюда — погоня за сенсационными, малознаменными в художественном отношении «боекмиками» бродячего образца. Указывая на это положение, газета «Дейли геральд» не без горечи пишет: «Английский театр не является больше поприщем для творческих дерзаний; это теперь — импортер, подражатель и доходное предприятие».

УНТЕРЫ В РОЛИ ВОЛЬТЕРОВ

Плохо живут учителя в Западной Германии. Нуждаются. Бедствуют. Потому и не хватает учителей. Никто не хочет работать в школе.

«Фельдфебель в Вольтеры дам» — так в свое время Грибоедовский Скалозуб разрешил проблему просвещения. Современные бонские Скалозубы нашли такой же блестящий выход. На учительской конференции в Кайзерслаутерне председательской речи в Кайзерслаутерне — Падилья, педагог Райланд, сообщил, что преподавателями в так называемые «народные школы» будут посланы... унтер-офицеры и офицеры «пограничной охраны», являющиеся одним из воинских формирований возрождаемого вермахта.

Нет лучше учителя, чем надежный капрал. Не так важно, чтобы дети умели писать и считать, важно, чтобы они умели повиноваться. — примерно так рассуждал прусский король Фридрих II.

«Почему то, что устраивало прусского короля-солдафона, не должно устраивать бонского канцлера-солдафона? — пишет западногерманская демократическая газета «Фрайе фолкс» — Сомнительно только, что дети и их родители сейчас так же беззащитно покорятся палке капрала, как некогда их предки».

«Дом», который запечатлен на этой фотографии, «построен на рыбачьей лодке. Адрес: тысяча девятьсот двадцать девятый километр на берегу Вены Австрии. В нем живет безработный Гельмут Влахс с семьей, состоящей из жены и двух дочерей в возрасте четырех и двух лет».

Почему Влахс был вынужден поселиться здесь? Миллионы немцев в Австрии — вот в чем причина.

Снимок из польского журнала «Свять

Смесь

Жаль расстаться. Несмотря на то, что в Австрии уже много лет назад выпущены монеты в один и два гроша, правительство до сих пор не издало ни одного банкноты в гитлеровской еврейской и германской валюте. Видимо, пеннинг со спастической дорожкой австрийским властям, как память...

Масло-рошное. «Масло» принадлежит некоторым экспертам по вопросам питания (жирный предмет «рошное», — пишет лондонская газета «Дейли уоркер», сообщая, что отныне англичанам придется удовлетворяться в основном маргаринами. С повоенных лет среднее годовое потребление масла на человека в Англии уменьшилось больше чем в три раза.

Если будет попрежнему осуществляться гонка вооружений, то сей «предмет роскоши», очевидно, станет еще более редким гостем в меню английской семьи.

Случай в Грече. Батальон британских вооруженных сил, расквартированный в Грече (Австрия), получил приказ об отправке в Корею. На прощание английский командование решило продемонстрировать населению «высокий» боевой дух части: переманить маршем солдат прошли через весь город. Но спустя несколько дней австрийцы смогли убедиться, сколь непопулярна и действительность среди английских солдат война в Корею: по социальным газетам «Эстеррейхше фольксциммер», австрийская полиция потребовала, чтобы австрийская жандармерия приняла участие в розысках 83 британских вооруженных, дезертировавших из батальона после эфемерного па-

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — К 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературная газета», Москва, Цветной бульвар, 30